

Теория трансформации обязательства как механизм определения последствий расторжения договора

Милашова Екатерина Андреевна

Студент (бакалавр)

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Москва, Россия

E-mail: Km10092002@outlook.com

Институту расторжения договора имманентно присущи 2 функции: прекращение договорного обязательства и восстановление сторон в положении, в котором они пребывали до начала исполнения [5]. ГК РФ же по общему правилу (абз.1 п.4 ст. 453) запрещает сторонам расторгнутого договора требовать возврата исполненного, однако из этого правила имеется ряд исключений: иное предусмотрено законом, договором или же имеет место нарушение принципа эквивалентности (тогда к отношениям сторон в субсидиарном порядке применяются правила о неосновательном обогащении). Такое регулирование навряд ли можно назвать удачным, а потому, представляется, что существует необходимость в выработке единого и внутренне непротиворечивого комплекса правил, определяющих последствия расторжения договора. Для достижения указанной цели полезно обратиться к положительному зарубежному опыту.

В Германии расторжение договора посредством односторонней (отказ) или двусторонней (соглашение о расторжении) сделки - точка отсчета, знаменующая трансформацию обязательственного отношения посредством перевода его в ликвидационную стадию. При этом модифицированное обязательство сохраняет договорную природу, изменяется лишь направленность встречных предоставлений [3]. Описанная теория, именуемая теорией трансформации, сформировалась в Германии не сразу: до середины XX века в немецком правовом порядке существовала ретроспективная модель расторжения договора, сочетавшаяся с присущей немцам особенностью в виде абстрактности распорядительной сделки (в силу чего переход права собственности при расторжении признавался состоявшимся). Для регулирования же возврата встречных предоставлений и обеспечения эквивалентности применялся механизм неосновательного обогащения, что обусловлено отпадением правового основания всего предоставленного ранее по обязательству [3].

Теория же трансформации обязана своему зарождению ученому Генриху Штолю, выступавшему против невозможности взыскания договорных убытков в связи с расторжением договора. Расторжение договора, по его мнению, не уничтожает договор, а лишь преобразует его *ex nunc* в ликвидационное обязательство [7]. Таким образом, хотя расторжение договора и прекращает обязанности сторон по первоначальному предоставлению, но из модифицированного обязательства возникают новые притязания по возврату ранее предоставленного по договору. Учитывая, что согласно обозначенной концепции договорное отношение сохраняется, значит первоначальные встречные предоставления сторон не могут рассматриваться в качестве произошедших бескаузально: этот факт обуславливает невозможность применения норм о кондикции к отношениям сторон по возврату встречных предоставлений [3].

Преимущества теории трансформации в том, что она предполагает сохранение обеспечений, а также разного рода оговорок (арбитражных, о подсудности и проч.), хотя, впрочем, подобного эффекта можно достичь и за счет отхода от строгой акцессорности обеспечения. Кроме того, в силу лишь преобразования содержания договорного обязательства, уместно говорить о той же синаллагматической связи обязанностей сторон по возврату исполненного, что и прежних обязанностей по исполнению. Потому при невозврате полученного одной стороной расторгнутого договора другой стороне последняя вправе

приостановить возврат полученного ею (хотя того же эффекта можно достичь, прибегнув к учению о фактической синаллагме, не беря при этом в расчет правовую квалификацию требований сторон).

В нашем правовом порядке, что вытекает из ст. 453 ГК РФ, закреплена перспективная модель расторжения договора, однако отсутствует единый подход к правовой квалификации возврата исполненного по расторгнутому договору. Долгое время требования о возврате квалифицировались в качестве внедоговорных, а за основу судами был взят механизм неосновательного обогащения. Представляется, что подобный подход догматически неверный: он создает ситуацию, в рамках которой в качестве неосновательно полученного истребуется то, что изначально было передано при наличии правового основания [4,5] Кроме того, внедоговорное кондикционное требование не позволяет учесть взаимный характер обязательств сторон и требуемый от них стандарт поведения, а также при необходимости принять во внимание волю сторон, выраженную в расторгаемом договоре [6].

Итак, представляется, что существенной задачей является выработка единой теории, позволяющей (в случае неприменимости общего правила абз.1 п. 4 ст. 453 ГК) регулировать возврат встречных предоставлений при расторжении договора, а также распределение рисков между сторонами. Полагаем, что один из вариантов её решения - закрепление теории трансформации обязательства, позволяющей квалифицировать отношения по возврату исполненного в связи с расторгнутым договором в качестве договорных (а потому, допускающей предъявление требования о возмещении договорных убытков, сохранение некоторых договорных обязанностей, соглашений, обеспечений).

Источники и литература

- 1) "Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)" от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 16.04.2022)/ "Собрание законодательства РФ", 05.12.1994, N 32, ст. 3301
- 2) Постановление Пленума ВАС РФ от 06.06.2014 N 35 "О последствиях расторжения договора"/ "Вестник ВАС РФ", N 8, август, 2014
- 3) А.В. Егоров Ликвидационная стадия обязательства. Журнал «Вестник ВАС», 2011 год, выпуск №9. С. 6-27.
- 4) В.А. Хохлов. Общие положения об обязательствах. Учебное пособие. М.: «Статут», 2015. / СПС «Консультант Плюс» Режим доступа URL: https://www.consultant.ru/edu/student/download_books/book/khokhlov_va_obshhie_polozhenija_ob_objazatelstvah/
- 5) Е.А. Папченко. Возврат исполненного по расторгнутому нарушенному договору: сравнительный анализ российского и немецкого права, «Статут», 2017/ СПС «Консультант Плюс»
- 6) К.А. Усачева Возвращение полученного как последствие расторжения нарушенного договора. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук, М., 2018. С. 28
- 7) Stoll H. Rücktritt und Schadensersatz. Archiv firdi e civilistische Praxis 131, 1929, 141 et seq., 171 S. 183